

© О.В. ПАВЛОВСКАЯ

neydacha@yandex.ru

УДК 140.8

ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ЛЖИ КАК ОТКЛОНЕНИЯ ОТ «НОРМАЛЬНОЙ» КОММУНИКАЦИИ ИНДИВИДОВ

АННОТАЦИЯ. В статье высказывается предположение о связи бессознательной человеческой реакции на ложь и генезиса коммуникативной коллективной практики.

SUMMARY. The given article offers the supposition about the connection between instinctive human's reaction to lie and genesis of communicative collective practice.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Коммуникация, ложь, «текущая идентичность», индивидуализация речевого акта

KEY WORDS. Communication, lie, "fluid identity", individualisation of speech act.

Скорость изменений в современной общественной жизни требует от человека не просто гибкости и способности приспособливаться к новациям, но и «текучей идентичности», своеобразного дара быстро корректировать и менять имидж, язык, коммуникационные навыки. Реакции на различные общественные феномены также постоянно и спонтанно меняются от самых лояльных до совершенно нетерпимых, причем нельзя указать однозначной причины этих изменений: не будучи монолитным, монокультурным, общество через эфемерный канал «общественного мнения» редко демонстрирует постоянство интересов. Эта вибрация вокруг проблем и предметов, названных в данный момент «актуальными», не может, в свою очередь, не влиять на ценностную базу индивида: что-то тревожащее отодвигается на задний план, потому что об этом «уже не говорят», от чего-то милого приходится отказываться, замолкать, поскольку это милое, бывшее совсем недавно в чести, сейчас становится архаичным и смешным. Одним словом, вольно или невольно, из сознательных конформистских соображений или потому, что его реплики не подхвачены и не вплетены в общий поток коммуникации, современный человек вынужден много и разнообразно лгать.

В отличие от ситуации, когда ко лжи прибегают, чтобы избежать репрессий, современный человек не знает, собственно, какой «ответ» на вызов мира будет «правильным». Сторона, прибегающая к репрессиям, всегда оставляет лазейку, образец верного «вероисповедания», ритуализирует акт покаяния для отступников, пишет догматические тексты и принуждает их знать. Современный человек лишен (или освобожден) от этих вех. Экономический критерий — эффективность — становится показателем успешно или не успешно надетой маски. Соответственно, вместо «генеральной линии» лжи находится множество грамотных подспорий на все случаи жизни. «Как правильно устроиться на работу», «как найти идеального мужчину», «как избежать конфликта» и прочие тексты призваны, в сущности, научить нас не столько сообщать о себе что-то не соответствующее истине, сколько прятать «неактуальную» информацию и умно играть

словами в процессе коммуникации. Считается, что это не ложь. Более того, от лжи «в лоб» нас предостережет и опытное брачное агентство, и менеджер по набору персонала. Однако вне зависимости от формальных определений понятия «ложь» человек прекрасно знает, насколько правдив или неискренен он был. Тайные намерения, ценности, из которых он исходит, нюансы разговора, моменты, когда он «кривит душой» (выражение само по себе очень говорящее) — все это создает внутреннее напряжение не хуже прямого и незатейливого обмана; подобное порождает подобное.

Утонченность современных методов лжи (в виде замалчивания важной информации, недоговорок, манипуляций, выгодного расставления акцентов и пр.) порождает ответную волну совершенствования распознавания лжи. Время от времени становится даже модным внушать публике мысль о том, что современные технические средства (в частности, полиграф, он же «детектор лжи») и современные технологии распознавания микромимики и языка жестов делают обман специалиста, оснащенного ими, практически невозможным. Сериалы криминального содержания вроде «Обмани меня» (США, 2009, реж. К. Джонсон, Р. Швентке) показывают в доступной форме, что ложь оставляет следы, в том числе в человеческой речи, позах, тембре голоса, которые можно расшифровать, воспроизвести картину прошлого.

Внешние признаки лжи сейчас знакомы обывателю по многочисленным описаниям: тут и тревожность, и ненужное углубление в мелкие детали, и учащенное дыхание, и потоотделение, и традиционный «бегающий взгляд», и менее традиционные жесты (прикрывая рот) и тому подобное. Безусловно, мы имеем дело с мифологизацией некоторых специальностей. Но столь же безусловным следует признать факт, что ложь требует от неподготовленного здорового человека больших эмоциональных затрат, чем правда; цитируя известного булгаковского персонажа, «правду говорить легко и приятно». А этот вывод требует философского осмысления.

Итак, с одной стороны, требование быть толерантным, контактным, как минимум, внешне успешным и самодостаточным, быстро приспособливающимся, человеком, с которым можно поговорить на современном языке без внутренней цензуры (обязательное требование «легкости» неформального общения витает в воздухе не только в молодежной среде). С другой стороны, ложь, при всех оговорках, может быть просчитана, потому что в нашем сознании она звучит иначе, чем правда.

Вероятно, не существует абсолютно правдивых людей; в искусстве абсолютная честность всегда сопряжена с какой-нибудь «неотмирностью» (юродивостью, инопланетностью, божественностью, тотальной глупостью). Так что неслучайно среди многочисленных определений человеческой природы дефиниция «существо честное» не фигурирует. В то же время индивидуальное отношение ко лжи чрезвычайно разнится: кто-то с трудом мирится с необходимостью лгать, поскольку не видит «хорошего варианта» (кантовский пример с другом, которого надо спасти от убийцы при помощи лжи), кто-то охотно жертвует правдивостью ради несомненных выгод, для кого-то ложь вообще подобна дыханию (особенно легко такое состояние приходит к детям, активно фантазирующим и увлекающимся своими выдумками). Однако стоит обратить внимание на то, что талантливый лжец (кем бы он ни был, от мошенника до актера, от ребенка до поэта) обязательно должен приходить в определенное состояние, которое мобилизует его фантазию и позволяет «вжиться в роль», сделать ложь убедительной.

Особенно наглядно этот процесс дает о себе знать в актерской профессии. Артисты неоднократно свидетельствовали, что роль не желает их «отпускать» и после завершения спектакля или съемок фильма, особенно если эта роль связана с «чертовщиной», жестокостью (не свойственной данному человеку-актеру), пафосом, трагичностью, то есть требует особенной подготовки, полного «отодвигания в тень» индивидуальных качеств. Так «держал» великолепного Лоуренса Оливье его Ричард III, актрис А. Ковальчук и М. Терехову — Маргарита (из фильмов по М. Булгакову «Мастер и Маргарита»), Н. Варлей — Панночка из классического «Вия», Е. Васильеву — зловещая роль королевы-матери из сериала по «Королеве Марго» и т. п. Должно быть, самой «беззатратной» ложью будет детская, не та, которая умышленно говорится ребенком ради избежания порицания или для манипуляции взрослым, а ложь-выдумка на грани творчества, выдаваемая за правду. Ребенок еще не обладает четко оформленной индивидуальностью, поэтому с легкостью от нее отказывается, представляет себя героем или участником интересных событий. «Взрослая» ложь, напротив, сложна, требует «держаться в памяти» свои подробности (чтобы непроизвольно не допустить противоречия), рационально конструировать правдоподобные действия или вживаться в придуманный образ, окунаться в импровизацию. Вероятно, именно эта сложность «выдает на выходе» улики, фиксируемые детектором лжи: напряженность, замедление или убыстрение речи и пр. Причем эти реакции непроизвольны, даже когда человек однозначно осознает, что никакой ответственности за свою ложь не понесет: так, при работе с полиграфом человеку задают тестовые вопросы. Он должен по требованию специалиста ответить «да» на все из них. Несмотря на то, что это заранее оговоренные «правила игры», которые, казалось бы, не должны вызывать ни вины, ни страха разоблачения, волнение дает достаточно точную картину, на которую потом специалист и опирается, переходя к действительно интересующему его блоку вопросов.

Далее, многими авторами, занимающимися социальной коммуникацией, была подмечена особая «правдивость» взаимодействий животных. Охота из засады, создание иллюзии «большого и страшного существа» за счет позы и распушившейся шерсти, другие «военные хитрости», мимикрия, ритуал ухаживания не есть ложь, это инстинктивная программа «включается» в голове животного сама собой, так же точно, как и реакция на такую же программу сородича или врага. Котенок умеет «пугать» пылесос без всякого научения и осмысления; цыпленок умеет затаиваться по сигналу матери, не видя, откуда исходит опасность. Индивидуальные особенности срабатывают *после* инстинктивной коммуникации: сначала две собаки совершенно одинаково обнюхиваются, показывают клыки, рычат, вызывая топорщат уши, а потом дерутся, и уже результат драки не зависит от поведенческих программ. Несколько утрируя, можно заключить, что лжет вид, а индивид правдив. Даже самые высокоразвитые и при этом стайные животные (т.е. существа, часто коммуницирующие друг с другом) не изобретают никакой новой «лжи», только с большим или меньшим успехом развивают инстинктивно заложенные в них способы избегания опасности и приобретения «благ».

Становится ясным несоответствие между нашей телесной (животной) организацией, которая груба и правдива (поэтому-то и возможно определение лжи по мимике, жестам, физиологическим реакциям), и культурно обусловленной потребностью говорить неправду. Инстинктивные формы лжи по-прежнему не подводят нас, например, в случае опасности человек способен замереть, сохра-

няя одновременно спокойствие и сосредоточенность. Мы выдаем то, что есть, за то, чего нет — свое присутствие за пустое место; мы прячемся, то есть лжем; это органичная ложь, инстинктивная реакция, поведение, которое не требует ни рационального усилия, ни «вживания» в образ, оно «отпустит» сразу же, как только потребность в том, чтобы затаиться, уйдет. Культурнообусловленная ложь дается труднее, она вообще может быть смертельно опасна (у животного ложь, наоборот, понижает, а не повышает угрозу). Она как бы прогрессирует, требует перестраивать фрагмент (иногда значительный) взаимоотношений с миром. Очень важно отметить, что причиной такой сложности не может быть мораль, интериоризированная субъектом и превращенная им в нравственность, которая изнутри повелевает быть правдивым, или заставляет «держаться перед внутренним взором» какие-то оправдания своего обмана. Во-первых, не существует такой истории, мифа, предания, эпоса, которые совершенно исключали бы нечестность [1]. Напротив, положительные герои, боги, праведники, цари, животные, иные существа часто и даже не всегда оправданно лгут, подавая пример слушателям. Сакральный мир отражает всю палитру мира человеческого, значит, потребность во лжи с необходимостью прорастает и в нем. Мораль как комплекс поощрений и запретов, оценок и программирующих реакций не может однозначно осуждать ложь, она всегда (как и правда) относительна и системно связана с другими высказываниями.

В сниженном, «бытовом» виде амбивалентность морали (и достаточный «люфт», зазор, делающий ее гибкой) можно проследить хотя бы на русских поговорках: с одной стороны, «Ложь на тараканьих ножках ходит», «Ложь не живуща, вранью короткий век», с другой — «Правда к Петру и Павлу ушла, а кривда по земле пошла», «Правда — в лаптях, а кривда — в сапогах» (т.е. торжество правды осуществляется либо в умах людей, либо на Божьем суде, но не «в миру», следовательно, «сила» правды весьма относительна).

Конечно, существуют отдельные заповеди и нормы (например, в буддизме и джайнизме — восьмеричный путь совершенствования, сформулированный Буддой, подразумевает правдивость, один из пяти важнейших обетов у джайнов — сатья — требует воздержания от лжи). Однако они не делают в данном случае погоды: например, буддизм предлагает своим последователям брать на себя только те обязательства, которые точно будут ими выполняться, то есть можно комбинировать любые суммы правил, постепенно улучшая карму, и это улучшение будет индифферентно к тому, какую заповедь вы выберете к исполнению: непричинение физического вреда другому существу (ахимсу), воздержание от злословия, нестяжательство, недопущение недобрых мыслей или, допустим, правдивость. Во-вторых, реакции человека на собственную ложь однотипны, а воздействие культурных норм никак не может быть одинаковым на всех представителей данной культуры. Они, эти реакции, явно древнее усвоенных норм общественной морали (тем более, мораль изменчива, тем более, реакция на ложь вообще универсальна у представителей разных культур). Причина внутренней напряженности при вхождении в состояние «лжеца» (любой роли) или непосредственного акта лжи заключается в чем-то ином, а именно в том, чего нет у животного и есть у человека — в языке, шире — в коммуникативной практике с помощью языка, передачи смыслов другому.

Обладание членораздельной речью является первым достижением человека в эпоху «дописьменного варварства» [2]. Слово, клятва, договор обладает сакраль-

ной ценностью и мыслится как «сильное», магическое средство, способное производить в материальном мире те же превращения, что и физическое воздействие. Поэтому, вероятно, на ранних этапах существования языковой коммуникации нельзя говорить собственно о «лжи», слово против слова — это не конфликт смыслов и интерпретаций, это не столкновение «правды» (в аристотелевском смысле, т.е. как соответствие знака реальности) с «неправдой» (искажением этого соответствия), а конфликт двух реальностей, создаваемых волей двух разных людей, осуществляющих речевой акт. «Лживость» начинается там, где «слово» становится отделенным от магического действия. Та же эволюция происходит потом с письменным словом: сначала это слово сакрального текста, откровения, идущее не от человека, потом — слово светское, целесообразное, произносимое с намерением повлиять на восприятие реципиента, поэтому, возможно, лживое.

Представляется вероятным такое допущение. Язык, будучи коллективным изобретением, предоставил человеку невиданные возможности индивидуальной лживости. Он сформировал условия, в которых индивид может рефлексировать над общественными ценностями, критически их переосмыслять, создавать собственную «карту» приоритетов, становиться в мысленную (прежде всего) оппозицию большинству. Открытое несогласие вообще не нуждается в вербализации: человек может встать и уйти из неприятного места, физически воздействовать на негативный раздражитель, вступить в драку, убить и т. д. Скрытое несогласие с некоей силой (с вожаком, группой, обществом) при наличии языка из инстинктивной программы (затаиться, смириться, расплачиваясь за это угнетенным, стрессированным состоянием) превращается в ложь.

Таким образом, наша физическая реакция на собственную ложь (на уровне моторики, покраснения кожи, сердцебиения и пр.) представляет собой атавизм, реакцию страха перед излишней индивидуализацией речевого акта, а не перед реальностью наказания. Говорить правду — значит озвучивать «объективную» оценку всего человеческого рода, насколько он мне известен, верно замещать знаками реальность. Говорить ложь — опускаться в индивидуальный хаос обозначений, никак не связанный с речевой практикой остальных людей. Данный страх спрятан на самых нижних этажах бессознательного, ниже, чем ценности, которые формируют человеческое Я (ведь именно ради этих ценностей зачастую и осуществляется обман). Русская философия и литература, традиционно много уделяющая места «жизни не во лжи», неоднократно связывала ложь с переживанием отделенности, отрезанности от общества и обращала внимание на терапевтическую роль покаяния, считая «нравственное чувство» чуть ли не врожденным, то есть представляла исповедь отказом от содеянного, раскаянием. На наш взгляд, акт покаяния символически возвращает человеку его язык, право пользоваться общими каналами коммуникации, но не всегда затрагивает его ценности. То есть формула «я сказал неправду» важнее формулы «я тебя прощаю», от кого бы она ни исходила. Реакция на ложь есть реакция на осуществившуюся свободу Я.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Элиаде М. «Священное и мирское». М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
2. Маршалл М.-Л. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. Киев: Ника-Центр, 2004. 432 с.